

Александр Болотников: кому выгодно замалчивать национальность Иисуса

Доктор богословия, исследователь, документалист рассказывает о новом проекте «Притчи рабби Иисуса» на телеканале «Надія» .

– Проект «Притчи рабби Иисуса» создан, чтобы познакомить людей с тем, как истолковывать притчи Иисуса. Это самая основа учения, которую Иисус представляет в Евангелиях. Поэтому их правильное истолкование с точки зрения Библии имеет огромное значение для жизни христиан.

Этот телецикл состоит из двенадцати частей. Это число случайное. Таким образом развился материал. Цель вступительной части – рассказать, кто такой раввин, изложить исторический контекст Нового Завета и Евангелия.

Это важно, потому что традиционная литература упоминает только греко-римский контекст. С давних времен Евангелия рассматривались исключительно через призму эллинистического подхода. Влияние эллинистической философии на христианское богословие было очень серьезным. Это связано с тем, что отцы церкви во II–III веках н.э, которые были третьим поколением после смерти апостолов, были выпускниками греческих философских школ Александрии, Рима и т.д. Они заложили основу эллинистического уклона в понимании Евангелия, и это отразилось на понимании притч Иисуса.

Поэтому когда я подчеркиваю: «притчи *рабби* Иисуса», то хочу показать, что в Иудее существовала уникальная библейская литература, которую христианская аудитория очень плохо знает. Поэтому слову «равви» она не придает значения. А раввины были основой системы образования, которая существовала в I веке и через которую передавалось знание Писания.

Иисус был частью этой системы, о чем свидетельствует Евангелие, стилистика Его притч и другие факторы, которые мы раскрываем в этом цикле. Поэтому первая часть – вступительная, а потом мы идем по разным притчам. Одна получасовая лекция – это разбор одной притчи, а бывает, что на одной лекции разбирается группа притч. Поэтому двенадцать – это было число получасовок, в который вместился материал этих телепрограмм.

Притчи Иисуса важны или непонятны? Что является ключевым мотивом в том, чтобы уделять им внимание?

Притчи Иисуса имеют огромное значение. Фактически притча – это педагогический инструмент, которым не только Иисус, но и другие раввины того времени пользовались, чтобы научить человека применять Священное Писание. Иисус таким образом показывает нам аспекты практической жизни.

Много раз приходилось читать такое сетование различных авторов: «Иисус говорил притчами, и как прикажете Его понимать? В одном месте Он говорит одно, а в другом – другое. Зачем Он это делает?» У многих ощущение, что Иисус то ли играет с читателем, то ли сознательно затемняет с какой-то целью смысл.

Евангелие принадлежит культуре Востока. На Востоке ничего прямо, путем догм, не говорят, в отличие от западной культуры. Намного более естественно именно то, как Иисус излагал учение в виде притч.

Почему? Есть два момента. Первый: притча – это история, она более универсальная, нежели список того, что тебе делать. Второй: притчи Иисуса – не басни Эзопа.

Притчи Христа западные интеллектуалы пропускают через систему определенного литературоведения. Раз притча, то это иносказание, а раз иносказание, то это аллегория. Я же показываю на основе библейского текста, что в притчах Иисуса никакой аллегории нет. Большинство раввинских притч иллюстрируют ту или иную богословскую концепцию.

Получается, притча является альтернативой доктрине?

Я употребил слово не «доктрина», а «догма». Догма – это прямое изложение, нужно понимать так, и не иначе. Когда мы говорим о доктрине более современным языком, то находимся в плоскости систематического богословия. Правильное систематическое богословие должно быть основано на библейском тексте. Если мы говорим об исследовании Священного Писания, то ключевым словом является экзегеза, т.е. вывод, который мы делаем из текста. Естественно, нужно понимать, как делать экзегезу. Лекции по притчам рассказывают, как делать экзегезу притч, так как евангельская притча – это особый литературный жанр.

В экзегезе нет ничего слишком сложного. Она зависит от той или иной литературной формы в Библии. Если мы упускаем глубокое прочтение библейского текста, то переходим в догматическую схоластику, где библейская цитата берется исключительно для подтверждения заранее сложившейся заготовки, которая существует на основании тех или иных философских размышлений, но не выходит напрямую из контекста Священного Писания. Поэтому притчи Иисуса берутся и раздираются на части.

Например, вот основа теологии евангелия благосостояния. Ее приверженцы говорят: «у кого имеется, тому прибавится, у кого не имеется, отнимется и то, что имеет». Т.е. в подобном подходе мы видим вырванный кусок из притч Иисуса, и с ним делают, что хотят: Бог якобы хочет, чтобы мы были богатыми и здоровыми, а если мы бедные и больные, то, соответственно, Бог нас не благословляет, потому что у нас мало веры. Такая логика является следствием догматического подхода. Это обманчивый путь.

В основном христианство таким и питается. Читается какой-то отрывок из Библии, и дальше из него делается догма.

А ведь эта фраза – часть притчи о талантах. Притча состоит из двух частей: из рассказа о рабах, которые по-разному отнеслись к деньгам, которые хозяин им оставил для инвестирования, и

объяснения – что эта притча означает в самом же тексте, который следует после: это о втором пришествии Иисуса и о том, как Он одних поставит по правую, других – по левую сторону от Себя. Тогда, естественно, в этом ключе понимаешь, что такое «всякому имеющему дастся, а у всякого неимеющего отберется и то, что имеет». Вот чем отличается экзегеза от догматики.

Я думаю, выражу вопрос многих. Зачем вообще акцентировать национальность Иисуса? Зачем «носиться» с еврейской темой?

Да, очень многим хочется забыть настоящего Иисуса. Подобный вопрос, в общем-то, обусловлен многовековой «промывкой мозгов», которая началась в раннее Средневековье. Целью этой «промывки» было внушить христианам, что нет ни малейшей связи христианства с иудаизмом, после чего довольно легко будет манипулировать христианским сознанием.

Например, почему вдруг в Библии написано, что суббота – день Господа, а церковь соблюдает воскресенье? И такие вопросы возникали, например, в Византии в V-VI веках у многих христиан, которые, имея контакты с евреями, слушали их и приходили к священникам, задавали неудобные вопросы. И что в ответ? Вместо того, чтобы хотя бы попытаться библейски обосновать (хотя библейского основания нет), почему церковь встречается в воскресенье, почему ставит иконы и т.д., намного легче оказалось применить карту евреев. «Почему вы ходите к евреям? Они же распяли Иисуса, а вы их слушаете», и т.д. Примером такого подхода был Иоанн Златоуст, раннее – Иустин Мученик.

Я в таком подходе вижу дьявольскую повестку дня, цель которой – запутать верующих, чтобы вопрос национальности превалировал над вопросами истины. Я Библию не писал, я не виноват в том, на каком языке она написана, и кто были эти люди – Иисус, апостолы, пророки.

Христиане I века и не воспринимали истину с национальной подачи. Для христиан I века главное было поклонение Богу. А

Бог был один. В I-II веках н.э. была только одна возможность: синагога, которую основывали евреи диаспоры в том или ином месте. И если какому-то язычнику, эллину хотелось, например, отказаться от своих Афин и Афродит, то был единственный путь – прийти, начать изучать Тору и обратиться в иудаизм.

Естественно, при Павле синагоги раскалывались на последователей Иисуса и Его противников. Но как с одной, так и с другой стороны в этих синагогах были как евреи, так и неевреи. И всё равно в этом эллинистическом мире существовала одна альтернатива: либо ты поклоняешься императору как богу, либо ты поклоняешься Богу-творцу того же императора.

Конечно, внутри иудаизма всегда были разветвления. Были и фарисеи, и саддукеи, но вопрос национальности никогда не стоял. Ни у кого не возникал вопрос: я пойду за Иисусом или не пойду за Ним в зависимости от того, какой Он национальности. Национальный вопрос возник позже.

Вообще сам термин «еврейская кровь» впервые возникает в средневековой Испании. Поэтому здесь речь идет не о какой-то пятой графе в паспорте. У Иисуса никогда не было паспорта, но мать Его никогда не была язычницей. Сегодня в христианстве возникает проблема двойного стандарта. Она выгодна тем, кто не хочет возвращаться к соблюдению библейской субботы и проповедует, что в I веке христиане, говоря о дне Господнем, уже подразумевали первый день недели.

Иисус был евреем, ученики Его были евреями, и первые христиане, независимо от своей национальности, приходя в христианство по римскому закону, становились евреями по религиозному, а не по национальному признаку. И этот факт будет иметь серьезные последствия, потому что аргумент, который часто используется в дискуссии, соблюдалась ли суббота в ранней церкви, таков: если открыть Дидахе, это действительно ранний памятник христианства, то там написано, что христиане соблюдали в конце I века «день Господень». С какой точки зрения мы будем смотреть, как мы будем в I веке определять

«день Господень»? Тем, кто сегодня говорит, что день Господень был *изначально* первым днем недели, выгодно меньше говорить о том, кем был Иисус и Его ученики.

Вопросы – Максим Балаклицкий